

© 2014 г.

Н.В. КОЧКИН

ВСТУПЛЕНИЕ СССР В МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ В 1955 году

Международный научный совет (МНС) занимает особое место среди множества различных международных неправительственных организаций. В настоящее время он объединяет национальные научные учреждения более 90 стран мира. В рамках данной статьи обратимся к периоду становления МНС и прежде всего к обстоятельствам, связанным со вступлением в него Советского Союза, что формально произошло в 1955 г. Такую возможность дают нам впервые вводимые в научный оборот документы из Архива внешней политики Российской Федерации и Российского государственного архива новейшей истории, которые открывают новые страницы истории нашей страны.

Согласно сведениям официальных порталов МНС и ЮНЕСКО, Совет ведет свою историю с так называемого Международного совета научных союзов (МСНС), организованного в Брюсселе в 1931 г. В 1998 г. он был переименован в Международный научный совет.

Вместе с тем некоторые источники связывают МНС напрямую с еще более ранней структурой, декларировавшей схожие задачи объединения академических кругов различных государств, – с Международной ассоциацией академий. Последняя была создана в 1899 г. и после окончания Первой мировой войны реорганизована по инициативе Лиги наций в Международный исследовательский совет (который в свою очередь в 1931 г. был переименован в Международный совет научных союзов). Такая преемственность организаций признавалась, в частности, руководством Академии наук СССР при обосновании целесообразности ее вступления в Совет. Это следует из ее переписки с НКВД/МИД СССР накануне и после Второй мировой войны.

Тем не менее анализ выявленных архивных материалов за указанный период позволяет заметить определенные коррективы в позиции Академии наук СССР в этом вопросе. В проекте докладной записки президента АН СССР А.П. Карпинского председателю СНК СССР В.М. Молотову, отправленном в Наркоминдел 13 марта 1936 г., история “Интернационального Совета Научных Союзов” начиналась с 1919 г. В записке отмечалось, что СССР уже “входит в Международный астрономический союз ... и возбуждается ходатайство перед СНК СССР о вхождении” в Международный союз геодезии и геофизики¹. В этой связи для Академии наук считалось “совершенно естественным” положительное решение вопроса о вхождении СССР в МСНС, хотя, по существу, членство в конкретных научных объединениях не предполагало соответствующего участия в самом Совете.

Спустя почти десятилетие в письме академика-секретаря АН СССР Н.Г. Бруевича заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину от 10 сентября 1948 г.

Кочкин Николай Владимирович – кандидат исторических наук.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 54, оп. 5, п. 59, д. 139, л. 75.

появляется упоминание о том, что Петербургская академия наук вступила в Международную ассоциацию академий и научных обществ в 1900 г., а после Первой мировой войны ассоциация “возобновила свою деятельность”². Однако в рамках этой организации Академия уже не демонстрировала прежней готовности к взаимодействию. В документе не приводилась аргументация, раскрывающая причины заметного охлаждения интереса к ассоциации, лишь констатировалось, что в тот период АН СССР ограничилась вступлением в Астрономический, Химический и Исторический международные союзы. СНК СССР постановлением от 20 мая 1939 г. “подтвердил право Академии... состоять юридическим членом” трех указанных структур³.

После Второй мировой войны ситуация, видимо, изменилась, потому что в 1946 г. “Академия наук СССР докладывала Председателю Совета Министров СССР ее мнение о целесообразности вхождения... в Международный Совет научных обществ. Однако этот вопрос тогда полного решения не получил”⁴. Предстоит еще разобраться, что означала последняя фраза в письме Н.Г. Бруевича и каким было правительственное решение. Очевидно то, что данная проблема являлась актуальной для руководства Академии наук СССР, которое неоднократно поднимало ее перед вышестоящими органами. Однако, получив отказ (или, вернее, не достигнув искомого согласия), в сентябре 1948 г. ученые стали “считать несвоевременным расширение своих научных связей с Международным Академическим союзом и полагать достаточным вхождение... в Международный Астрономический союз и Международный союз химии”⁵.

В упомянутых документах середины 1930-х и второй половины 1940-х годов, к сожалению, не содержится сведений, на основании которых можно объяснить наличие достаточно серьезных расхождений в советских оценках формата данной организации. По-видимому, это непосредственно связано с изменениями в восприятии деятельности самого МСНС в Советском Союзе. Показательно и то, что вопрос ставился о возможном вступлении Академии наук СССР в Совет, а не о восстановлении членства в нем. На первый взгляд, главная причина могла заключаться в революционных потрясениях 1917 г., перечеркнувших участие нашей страны в этой и других подобных структурах. В то же время представляется важным учитывать и последствия Первой мировой войны “в научном плане” – различия в составе участников Ассоциации и сменившего ее Исследовательского совета (Лондонское королевское общество добилось вытеснения утративших свое влияние немецких академий), расстановку основных сил (известно, что французская академия категорически отказывалась поддерживать отношения с научными учреждениями Германии), продлившийся несколько лет бойкот представителей немецкой науки державами бывшей Антанты⁶.

Неудивительно, что в советском “Кратком историческом очерке” Академии наук СССР 1974 г. издания интерпретация событий была изложена таким образом: “За рубежом, в странах Антанты, делались попытки положить в основу международных научных организаций политический принцип”. В результате членами Совета “могли быть только государства, выступавшие в годы... войны на стороне Антанты или занимавшие нейтральное положение”⁷.

Однако следующий тезис в “Очерке” при всей пропагандистской риторике не столько объясняет, сколько запутывает ситуацию: “Академия наук Страны Советов...

² Там же, ф. 072, оп. 26, п. 114, д. 15, л. 91.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 92.

⁵ Там же. Международный комитет исторических наук не возобновлял своей деятельности после войны.

⁶ Вопросы противостояния научных кругов противоборствующих стран – участниц Первой мировой получили подробное освещение в литературе. См., например: *Дмитриев А.* Мобилизация интеллекта. Международное научное сообщество и Первая мировая война. – Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001.

⁷ Академия Наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974, с. 278.

после длительной борьбы добилась отмены пункта, исключавшего из этой системы международных научных связей страны Центральной Европы и некоторые другие”. Разъяснения в издании не давались, поэтому многие вопросы: как удалось этого добиться, не являясь полноправным участником организации, какие государства региона имелись в виду, насколько длительной была эта борьба – оставались без ответа.

Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что Исследовательский совет имел тесные связи с Лигой наций, которая в первые годы своего функционирования демонстрировала явно выраженную антисоветскую направленность, что не могло не отражаться на ее оценках советским руководством. В ноте наркома по иностранным делам СССР Г.В. Чичерина генеральному секретарю Лиги наций Д.Э. Драммонду от 27 апреля 1925 г. самым недвусмысленным образом подчеркивалось, что “если Советское правительство соглашалось в некоторых случаях, когда дело шло о второстепенных вопросах исключительно технического характера или когда проектируемые работы имели в виду чисто гуманитарные цели, участвовать в... собраниях, производившихся под руководством Лиги Наций, то оно всегда ясно отмечало в этих случаях, что это участие не меняет ни в чем его общее отрицательное отношение к Лиге”⁸.

Все вышеперечисленное может служить объяснением нежелания вступить в Исследовательский совет. Но лишь отчасти, поскольку в тех условиях в равной степени могла возобладать и противоположная аргументация. В самом деле, предпринятые меры по стабилизации экономики СССР и достижения “полосы дипломатического признания” позволяли обратить внимание государства на сферы, которые первое время после революции неизбежно оказывались второстепенными. Кроме того, как стало известно из рассекреченных материалов, уже в начале 1924 г. СССР получил неофициальное предложение обрести статус наблюдателя при Лиге наций, “т.е. все знать и ни за что не принимать на себя ответственности”⁹. В таком случае перспектива восстановления членства или вступления заново в Совет даже в середине 1920-х годов должна была бы восприниматься в Москве совсем иначе. Однако Академия наук СССР стала членом МСНС только в 1955 г., и этот факт означает необходимость поиска других мотивов сдержанного подхода советской стороны к развитию международного научного сотрудничества в те годы.

Особую ценность в этом смысле представляет письмо заместителя наркома по иностранным делам СССР Н.Н. Крестинского и заведующего Правовым отделом НКВД СССР А.В. Сабанина заведующей Секретариатом АН СССР А.Х. Петросян от 21 марта 1936 г. В нем Наркоминдел поддержал в целом “намерение Академии” вступить в МСНС, но сослался на положение Устава Совета о том, что “принятие новых членов должно быть одобрено” “двумя третями голосов участвующих... организаций”¹⁰. Высказав опасения, что определенное количество стран проголосует против, руководство наркомата сделало оговорку: “Мы можем возбудить формальный вопрос о нашем вступлении лишь в том случае, если мы получим формальное приглашение... притом приглашение, уже исчерпывающее все предусмотренные уставом формальности”¹¹. Не исключено, что реализацию задуманного отложили именно потому, что АН СССР тогда не удалось обеспечить “предпосылки, гарантирующие положительный результат голосования”.

Значимость выявленного документа заключается не только в данной формулировке, отражающей продуманный и весьма осторожный план действий. Именно в этом письме, хотя и кратко, упоминается действительная причина, которая оказала определяющее влияние на принятие решения по рассматриваемому вопросу. Там говорилось,

⁸ АВП РФ, ф. 54в, оп. 10, п. 86, д. 6, л. 7.

⁹ Там же, ф. 054, оп. 7, п. 61, д. 50, л. 1. Из письма полпреда СССР в Италии Н.И. Иорданского первому заместителю наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвинову, 24 января 1924 г.

¹⁰ Там же, оп. 13, п. 441, д. 139, л. 7.

¹¹ Там же, л. 7об.

что “советские научные организации в свое время воздержались от участия в Совете” из-за “неучастия в нем германских научных организаций”. “Это обстоятельство не является более препятствием”, – констатировали в НКВД в 1936 г.¹²

Следовательно, вступление АН СССР в МСНС зависело от двух факторов – общей расстановки сил на международной арене и взаимоотношений с Германией. Вероятность оказаться в меньшинстве в условиях противостояния социалистического и капиталистического укладов была практически неизбежной до формирования со второй половины 1940-х годов блоковой системы. Хотя деятельность в Совете подразумевала не реализацию политических или экономических амбиций, а контакты в академической сфере, чаще всего превалировал идеологический фактор. Партнерские отношения с Германией дважды прерывались мировыми войнами и имели порой неоднозначный характер.

Принимая во внимание воздействие этих факторов (иногда одного из них, иногда двух одновременно), нетрудно восстановить последовательность событий, предположить суть позиции, занимаемой руководством страны, и объяснить логику известных шагов АН СССР. Поскольку сопоставление документов позволяет заметить определенную несбалансированность взглядов политической и научной элиты, необходимо учитывать мотивы обеих сторон. Для подтверждения высказанных предположений предпочтительно также обращение к материалам архивов ЦК ВКП(б) и АН СССР.

После прихода к власти и тотального проникновения в жизнь Германии фашистской партии в АН СССР посчитали возможным вступить в МСНС без оглядки на немецкие научные общества. Но оговорка НКВД в предвоенные годы не была реализована.

Когда Вторая мировая война была победоносно завершена, отношения с капитулировавшей Германией стали формироваться на другой основе. Разногласия союзников по антигитлеровской коалиции по урегулированию германского вопроса переросли в “Берлинский кризис”, а после того, как они сумели его преодолеть, субъектами международного права были признаны уже два германских государства. Германия (ФРГ) стала членом МСНС в 1952 г.¹³

В 1945 г. произошло еще одно событие, самым серьезным образом повлиявшее на возможное взаимодействие с Советом, – была учреждена Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Вскоре МСНС получил консультативный статус ЮНЕСКО, что, несомненно, усилило авторитет Совета. Ученые СССР вновь попытались поставить перед руководством страны вопрос, имевший для них особый интерес, но безрезультатно. Показательно, что в подготовленной Иностранным отделом АН СССР для ЦК КПСС справке о МСНС от 30 мая 1955 г. подчеркивалось, что в 1946 г. “между Советом и ЮНЕСКО было подписано соглашение, по которому Совет признавался координирующим органом, представляющим Международные научные союзы”.

Смена партийного и государственного руководства после смерти И.В. Сталина предопределила кардинальные изменения во внешнеполитическом и внутривнутриполитическом курсе Советского Союза. 6 апреля 1954 г. министр иностранных дел В.М. Молотов направил письмо генеральному директору ЮНЕСКО Л. Эвансу о решении правительства СССР вступить в ЮНЕСКО.

В ноябре–декабре 1954 г. состоялась восьмая сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО. В преддверии ее открытия руководство Министерства иностранных дел по установившейся практике утвердило указания делегации СССР на сессию. В них среди множества различных тем уделялось место и интересующей нас структуре, в частности, была дана такая директива: “Не возражать против возобновления соглашений со следующими международными неправительственными организациями, имеющими

¹² Там же, л. 7.

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 4 (Секретариат ЦК КПСС), оп. 9, д. 1308, л. 55.

в настоящее время соглашения с ЮНЕСКО”. Кроме того, был составлен список, где первым пунктом указывался Международный совет научных союзов¹⁴. Таким образом, на основании этой формулировки при всей ее лаконичности можно сделать вывод, что данная организация продолжала находиться в поле зрения советских специалистов. Более того, хотя о полноправном участии в ней вопрос тогда не ставился, в целом предполагалось демонстрировать достаточно благожелательное к ней отношение.

После окончания сессии Генеральной конференции советская делегация 24 января 1955 г. направила “Некоторые предложения о дальнейшей деятельности Советского Союза в ЮНЕСКО”, в том числе о вхождении в ряд международных гуманитарных и технических научных организаций, включая МСНС. Записка главы делегации, заместителя министра высшего образования СССР В.Н. Столетова, сопровождавшая документы, в которых подводились итоги сессии, и “Некоторые предложения” были адресованы непосредственно В.М. Молотову. Имеющиеся на записке пометы – резолюция министра “т. Громыко. Подготовить для внесения в ЦК. 1 февраля 1955 г.” и резолюция заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко “Царапкину. Пр[осьба]. подготов[ить]. Срок – 7 дней. 2.П.” – подтверждают, насколько большое значение придавало руководство внешнеполитического ведомства выдвинутым инициативам¹⁵.

В “Некоторых предложениях” было дано весьма подробное описание сложившейся в предыдущие годы негативной ситуации, сдерживавшей потенциальные научные контакты. “Ряд международных организаций ученых (Международный Совет научных союзов... и др.), – говорилось там, – пользуется дотациями от ЮНЕСКО. Ряд делегатов Конференции, из числа ученых, в личных беседах... выражали горячее пожелание, чтобы ученые Советского Союза начали принимать активное участие в работе организаций... До последнего времени представители Советского Союза не участвовали в их работе, а если кое-когда и участвовали, так выступали не всегда в должной форме и заблаговременно подготовленными. Тем самым мы отказывались от одного из эффективных каналов нашего влияния на ученых мира. Работу по активному внедрению в эти организации, развертывание работы в них следует организовать на серьезных, государственных началах, не передоверяя дело какой-либо одной нашей научной организации, как бы авторитетна она ни была”¹⁶. Последняя фраза в документе подчеркнута красным карандашом.

Из данного фрагмента “Некоторых предложений” хорошо видно, что в условиях набравшей обороты “холодной войны” идеологический фактор продолжал оказывать самое серьезное воздействие на формирование внешней политики, причем не только по принципиальным вопросам международных отношений, но и по, казалось бы, не столь болезненно острым аспектам научного сотрудничества. В то же время можно заметить определенное стремление использовать подвижки в установках высшего руководства страны для налаживания международных научных связей. Те, кому было поручено прорабатывать основные подходы Советского Союза с учетом приобретенного опыта участия в формате ЮНЕСКО, были готовы занимать более взвешенную позицию (отсутствие информации не позволяет пока сделать соответствующие обобщения на уровне ЦК КПСС). В этом смысле показательно мнение заместителя главы делегации, члена коллегии Министерства культуры СССР А.В. Солодовникова, которое он высказал на внутреннем совещании по повестке дня Генеральной конференции ЮНЕСКО 21 ноября 1954 г.:

“Мы вступили в ЮНЕСКО для того, чтобы показать свое желание сотрудничать. ЮНЕСКО является американской организацией, которую США и др. капиталистические страны используют при сравнительно небольших затратах для того, чтобы проводить свое влияние в просвещении, науке и культуре. Нам сейчас без нужды не

¹⁴ АВП РФ, ф. 047, оп. 9, п. 60, д. 39, л. 69.

¹⁵ Там же, оп. 1, п. 70, д. 68, л. 11.

¹⁶ Там же, л. 64–65.

следовало бы вступать в идеологический спор для того, чтобы использовать эту организацию для борьбы за мир, что возможно только путем очень осторожной тактики. Идеологические споры сейчас были бы на руку нашим врагам”¹⁷. Даже принимая во внимание то обстоятельство, что на рабочих встречах такого рода могли звучать с равной долей вероятности и совершенно искренние оценки, и предложения тех, кто “колебался вместе с генеральной линией партии”, источниковедческая ценность приведенного суждения неоспорима. Оно позволяет с полным правом говорить об изменении в то время баланса между геополитическими и идеологическими задачами в пользу первых. Причем этот процесс имел место как в советских органах власти, так и, очевидно, на Западе¹⁸.

Весной 1955 г., несмотря на то, что политическому руководству СССР еще только предстояло формально согласиться с перспективами вероятного присоединения к Совету, советские ученые начали налаживать взаимодействие с иностранными партнерами. К примеру, в марте состоялась поездка в Великобританию академика В.А. Энгельгардта¹⁹. Со своей стороны сотрудники посольства СССР в Лондоне оказывали содействие в организации рабочих контактов советских ученых с представителями МСНС, что, как можно предполагать, делалось по согласованию с Москвой. По итогам этих встреч 28 марта 1955 г. генеральный секретарь Совета профессор А.В. Хилл направил советнику посольства Н.Д. Белохостикову письмо, в котором содержалась официальная просьба рассмотреть предложение о вступлении АН СССР в Совет. Ознакомление с текстом письма позволяет сделать следующее заключение: стремление наладить сотрудничество в рамках этой международной организации на данном этапе исходило уже от обеих сторон. Даже тон письма подчеркивал заинтересованность мировых научных кругов в вовлечении советских коллег в работу Совета. Формулировки были столь доброжелательными и неформальными, отличными от классической переписки посольства, что невольно возникает вопрос: какая же из сторон рассчитывала извлечь больше пользы из будущей совместной деятельности?

Кроме того, устранялась причина доверенной обеспокоенности Наркоминдела результатами голосования не в пользу СССР – руководством Совета гарантировались “благоприятные результаты” заседаний Бюро и Генеральной Ассамблеи. А.В. Хилл писал: “Нет сомнения в том, что заявление Советской Академии о принятии в члены будет соответствовать положениям, предусмотренным Уставом”²⁰.

Отдельного внимания заслуживает сопроводительное письмо посла СССР в Великобритании Я.А. Малика президенту АН СССР А.Н. Несмеянову от 15 апреля 1955 г., вместе с которым пересылались в Москву приглашение А.В. Хилла и информационные материалы о Совете. В письме отмечалось, что посольство “поддерживает идею вступления”²¹. Едва ли можно представить, что дипломатическая миссия высказывала

¹⁷ Там же, л. 1–2.

¹⁸ Не случайно еще в июне 1947 г. бывший посол Бельгии в СССР Ле Ге пытался выяснить возможность вступления АН СССР в Международный академический союз. Ответа он не получил (ученые не добились положительного рассмотрения вопроса в правительстве). По некоторым данным, спустя год уже представители МСНС продемонстрировали готовность взять инициативу в свои руки и “привлечь” АН СССР в Совет. См.: АВП РФ, ф. 072, оп. 26, п. 114, д. 15, л. 93–95; РГАНИ, ф. 4, оп. 9, д. 1308, л. 64. Об установлении контактов между АН СССР и Реферативным советом МСНС в сфере обмена научной информацией в конце 1954 – начале 1955 г. см., например: *Boutry G.-A. The ICSU Abstracting Board. The Story of a Venture in International Cooperation. – Proceedings of the International Conference on Scientific Information, Washington (DC), november 16–21, 1958, v. 2. Washington, 1959, p. 1510–1511.*

¹⁹ *Энгельгардт Владимир Александрович* – действительный член Академии наук СССР и Академии медицинских наук, доктор биологических наук, заведующий лабораторией Института биохимии АН СССР, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (данные на 1955 г.).

²⁰ РГАНИ, ф. 4, оп. 9, д. 1308, л. 36.

²¹ АВП РФ, ф. 69, оп. 47, п. 159, д. 44, л. 71. Формулировка “приглашение” встречается в тексте докладной записки заведующего Отделом науки и культуры ЦК КПСС А.М. Румянцева от 23 июня 1955 г. – РГАНИ, ф. 4, оп. 9, д. 1308, л. 31.

бы мнение, принципиально отличное от того, что содержалось в директивах или оперативно рекомендовалось ЦК. В то же время в документах, составленных к заседанию Секретариата ЦК КПСС, присутствует ссылка на то, что “Посольство СССР в Великобритании (г. Малик) считает желательным вступление Академии... в упомянутый Совет”²². Таким образом, можно предположить, что весьма благоприятная расстановка сил, сложившаяся в партийной верхушке, предопределила активные и очень успешные переговорные шаги ученых и дипломатов, сделавших теперь уже неизбежным положительное решение вопроса.

Подготовительная работа заканчивалась. 1 июня в ЦК КПСС была направлена записка и.о. президента АН СССР К.В. Островитянова и главного ученого секретаря Президиума АН СССР А.В. Топчиева, завершавшаяся следующей фразой: “В целях дальнейшего расширения и укрепления международных научных связей Президиум Академии наук СССР считает целесообразным принять предложение Генерального секретаря профессора Хилла и просит разрешения вступить Академии наук СССР в Международный совет научных союзов”²³.

Формальную точку в вопросе поставило достаточно краткое, но очень важное для научных кругов Постановление Секретариата ЦК КПСС № СТ-80/56гс от 24 июня 1955 г. с грифом “совершенно секретно”. Первым пунктом принималось предложение Президиума АН СССР о вступлении в МСНС; вторым – Президиуму АН СССР поручалось направить в Совет “согласованное с МИД СССР письмо о согласии Академии наук СССР вступить в члены указанного Совета”²⁴.

По устоявшейся в Советском Союзе практике за партийным, часто закрытым решением следовало открытое поручение правительства или курирующего проблематику ведомства. Поэтому 6 июля 1955 г. Иностраный отдел АН СССР уведомил МИД СССР о принятии решения о вступлении в Совет и о направлении соответствующего письма А.В. Хиллу²⁵. На очередной, седьмой Генеральной ассамблее МСНС, состоявшейся в августе 1955 г. в Осло, Академия наук СССР была единогласно принята в члены Совета. При рассмотрении вопроса о Бюро Совета советский ученый В.А. Энгельгардт был заочно избран в его состав вместе с представителями от Бельгии, Великобритании, Индии, США, Франции, Швейцарии и Швеции. Впоследствии В.А. Энгельгардт “с большой признательностью” вспоминал годы работы в МСНС, как он “был привлечен в качестве члена бюро этого совета, а затем стал и вице-президентом. Это дало... увлекательные возможности встречаться и часто устанавливать тесные дружеские отношения с большим числом ученых, которые были представлены в этой интернациональной организации”²⁶.

Так начинался новый этап полноформатного совместного научного сотрудничества.

²² РГАНИ, ф. 4, оп. 9, д. 1308, л. 31.

²³ Там же, л. 33 – 34.

²⁴ Там же, д. 171, л. 106.

²⁵ АВП РФ, ф. 69, оп. 47, п. 159, д. 44, л. 101.

²⁶ В 1955–1963 гг. В.А. Энгельгардт был представителем СССР в МСНС, затем вице-президентом МСНС. См. Воспоминания о В.А. Энгельгардте. М., 1989, с. 318 – 319.